

Алексей Николаевич Толстой

Воробей

На кусту сидели серые воробьи и спорили – кто из зверей страшнее.

А спорили они для того, чтобы можно было погромче кричать и суетиться. Не может воробей спокойно сидеть: одолевает его тоска.

– Нет страшнее рыжего кота, – сказал кривой воробей, которого царапнул раз кот в прошлом году лапой.

– Мальчишки много хуже, – ответила воробьяха, – постоянно яйца воруют.

– Я уж на них жаловалась, – пискнула другая, – быку Семену, обещался пободать.

– Что мальчишки, – крикнул худой воробей, – от них улетишь, а вот коршуну только попадись на язык, беда как его боюсь! – и принялся воробей чистить нос о сучок.

– А я никого не боюсь, – вдруг чирикнул совсем еще молодой воробьяныш, – ни кота, ни мальчишек. И коршуна не боюсь, я сам всех съем.

И пока он так говорил, большая птица низко пролетела над кустом и громко вскрикнула.

Воробьи, как горох, попадали, и кто улетел, а кто притулился, храбрый же воробьяныш, опустив крылья, побежал по траве. Большая птица щелкнула клювом и упала на воробьяныша, а он, вывернувшись, без памяти, нырнул в хомячью нору.

В конце норы, в пещерке, спал, свернувшись, старый пестрый хомяк. Под носом лежали у него кучка наворованного зерна и мышиные лапки, а позади висела зимняя, теплая шуба.

"Попался, – подумал воробьяныш, – я погиб..."

И зная, что если не он, так его съедят, распушился и, подскочив, клюнул хомяка в нос.

– Что это щекочет? – сказал хомяк, приоткрыв один глаз, и зевнул. – А, это ты.

Голодно, видно, тебе, малый, на – поклюй зернышек.

Воробьянышу стало очень стыдно, он скосил черные свои глаза и принялся жаловаться, что хочет его пожрать черный коршун.

– Гм, – сказал хомяк, – ах он, разбойник! Ну, да идем, он мне кум, вместе мышей ловить, – и полез вперед из норы, а воробьяныш, прыгая позади, думал, какой он, воробьяныш, маленький и несчастный, и не надо бы ему было совсем храбриться.

– Иди-ка сюда, иди, – строго сказал хомяк, вылезая на волю.

Высунул воробьяныш вертлявую головку из норы и обмер: перед ним на двух лапах сидела черная птица, открыв рот. Воробьяныш зажмурился и упал, думая, что он уже проглочен. А черная птица весело каркнула, и все воробьи кругом нее попадали на спины от смеха – то был не коршун, а старая тетка ворона...

Что, похвальбишка, – сказал хомяк воробьянышу, – надо бы тебя посечь, ну да ладно, поди принеси шубу да зерен побольше.

Надел хомяк шубу, сел и принялся песенки насвистывать, а воробьи да вороны плясали перед норой на полянке.

А воробьяныш ушел от них в густую траву и со стыда да досады грыз когти, по дурной привычке.